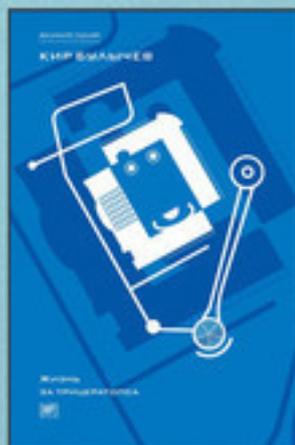

Кир Булычев

«Твоя Рашель...»

*Часть сборника
Жизнь за трицератопса
(сборник)*

Гусляр

Кир Булычев

«Твоя Рашель...»

«WebKniga»

2002

Булычев К.

«Твоя Рашель...» / К. Булычев — «WebKniga», 2002 — (Гуслияр)

«Обычно рассказы пишут для того, чтобы читатель мог насладиться образами персонажей и пейзажами, а в конце задуматься над смыслом прочитанной истории. Иначе бы рассказы не включали в хрестоматии и не мучили бы ими невинных детей. В рассказе должна быть мораль. Даже не очень видная снаружи...»

Содержание

1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	7

Кир Булычев

«Твоя Рашель...»

1

Обычно рассказы пишут для того, чтобы читатель мог насладиться образами персонажей и пейзажами, а в конце задуматься над смыслом прочитанной истории. Иначе бы рассказы не включали в хрестоматии и не мучили бы ими невинных детей.

В рассказе должна быть мораль. Даже не очень видная снаружи.

Вы завершаете последнюю фразу и понимаете: так жить нельзя!

Небольшое произведение, к чтению которого вы сейчас приступаете, относится именно к этому роду литературы. И мораль его сводится к истине: подслушивать нехорошо.

...Все началось шестого июля. Если вы помните, день тот выдался в Великом Гусляре жарким, томительным, но не беспощадным. И если ты обнажен до трусов, искупался в озере Копенгаген, улегся в тени векового дуба на редкую зеленую траву, шуришься, глядя сквозь листву на сверкающее солнце, и, отмахиваясь веткой от оводов, испытываешь редкое ощущение счастья, то поймешь, почему Минц с Удаловым лениво перебрасывались осколками фраз, не утруждая себя грамматикой.

– А на Кипре... – начал было Корнелий Иванович.

– Там другая широта, – ответил Лев Христофорович.

Помолчали.

Минц шлепнул себя по голому пузу. С озера неслись крики купальщиц, которые изображали танец русалок при луне.

Одна из русалок с грубым хохотом выскочила из воды и понеслась к кустам, преследуемая сатиром. Она ланью перескочила через Удалова.

– Ноги, – сказал Корнелий Иванович.

– Длинные, – ответил Минц.

– Акселерация, – сказал Удалов.

– Питание, гимнастика и желание выбиться в модели, – одолел длинную фразу профессор.

– Значит, не генетика? – спросил Удалов.

– Еще какая генетика, – возразил Минц.

Они лежали головами к метровому стволу дуба, который остался напоминанием о дубраве, посаженной здесь помещиком Гулем в XIX веке. По ту сторону ствола, разложив на траве махровое полотенце с уточками, аккуратно улегся относительно молодой человек, который приехал в Гусляр, чтобы оформить наследство на теткинину комнату, продать ее подороже и покинуть эту глухую провинцию. А пока не вступил в наследство, он скрывался от жары на берегу лесного озера, подобно аборигенам.

Звали молодого человека, которому суждено будет сыграть значительную роль в этой истории, Никитой Борисовичем Блестящим. Фамилия была по паспорту, но не исконная. Когда-то его дедушка приехал с юга, принес с собой неблагозвучную харьковскую фамилию Прохановский. Он выучился на партийного публициста, борца с генетикой и кибернетикой, стал лидером гонений на вейсманизм-морганизм и прочие бесчеловечные исчадия американской реакционной науки и членом-корреспондентом Тимирязевской Академии наук.

Никита Борисович улегся под дубом, стал смотреть на небо и отгонять веточкой оводов. До него доносились визги и вопли купальщиц, и он тоже оценил длинные и стройные ножки местной нимфы.

Два старика, один толстый и лысый, другой потоньше, помельче, но тоже лысый, что лежали по ту сторону ствола, его не интересовали, и их разговор поначалу был для него пустым. Так что он постепенно задремал.

А Минц с Удаловым продолжали беседу.

– Почему? – спросил Удалов. – Природа распорядилась?

– С раннего детства, – согласился Минц.

– Иногда вижу – в коляске, а уже руководит, – улыбнулся Удалов.

– Если наблюдать, то увидишь, – сказал Минц.

– С какого же возраста?

Минц ответил не сразу.

Удалов взял бутылку с газированной водой «Гусярский источник». Отпил из горла, дал другу.

Длинноногая нимфа верещала в кустах, видно, ее щекотали.

– Ты затронул важную тему, Корнелий, – произнес задумчиво Лев Христофорович. – Я тоже об этом думал.

– Вот именно, – согласился Удалов.

Пока он еще не понял, о чем говорит Минц, но привык не противиться другу, потому что со временем из рассуждений Минца вырастали великие изобретения и открытия, а Удалову было приятно чувствовать себя причастным к таким делам.

– С какого момента дитя становится полководцем, развратницей или многодетной мамашей? Когда это открывается?

– Когда?

– Когда оно начинает пользоваться речью и свободно передвигаться, – сказал Минц. – Я проводил наблюдения в яслях, детских садах и школах. Это потребовало не один месяц полевых исследований.

– Чего же мне не сказал? – упрекнул его Удалов. – Мы бы с тобой вместе полевые исследования проводили.

– Скучное для непосвященного дело, – возразил Минц. – Но со временем дало свои плоды. У меня есть несколько дискет с обобщениями.

– Опубликовать будешь?

– Рано, – ответил Минц. – И, можно сказать, опасно для человечества. Если мое открытие попадет в руки нечистоплотного мошенника, а еще хуже, политика, могут произойти совершенно непоправимые катаклизмы. Дай еще «Гусярского».

– Может, искупаемся? – спросил Удалов.

Он делал вид, что очередное открытие Минца его никоим образом не интересует. Потому что заинтересованность всегда охлаждала профессора, и он мог прекратить рассказ.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.